

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

/перевод с английского

И. Иосель/

РОКЕТС

Но вот выходят эти девочки, вот эти девочки, которых вместе
тридцать шесть и
маленько шурша, сперва тихонечко идут, потом на месте
стоят и улыбаются, поскольку знают, что мы знаем, что мы так
любим, и походка их нам, публике, так нравится, что прямо
горло перехватывает, в диафрагме тишет, и они стоят так пря-
мо
и малюко подрагивают, а потом задирают ножки хором
туда, потом сюда, потом туда, потом сюда, потом сначала,
качая — каждая — плышечком или чем там, головным своим
убором,
и от острых ножек, ножничек в глазах рябит, давай, чтоб зал
враз закачалось,
ах, они как звездочки, а ритм залетанья все быстрее, что за
ножки
/тридцать шесть тридцати шести дюймов бестатности дюймовочек,
еще быстрее немножко,
и стройны они, лапшеватые, как снежок белы, и так они тонки,
но
и полны они, еще чуть-чуть-чуть-чуть, и я пиджак — так жаркой
— свину/,
ножки, изумляя, ослепляя зал, все выше, аж до крыши,
словно зубы зверя, змея в бестварии, дракона, и дракон тот
огнедышит,
опалая пламенем нас, публику, сжигая, а еще они похожи
на перья на павлиньи в этой линии, но — белые, все в блес-
ках, и все то же
чувство, что не отпускает зал, вот ножки опускаются, нас
ножки отпускают, мы
вздыхаем,
ножки поднимаются, и в пасть нас снова тянет бесконечно так,

не знает зла преисподняя...

она сидела в оранжевом фольксвагене, видно,
кого-то ждала, я шел по улице
вместе с бутылкой пива и пинтой виски,
и она выскочила, выпрыгнула
и стала выхватывать у меня бутылки пива, и стала
швырять их на мостовую, а после
выхватила у меня виски, и тоже
шваркнула с размаху о мостовую,
визжа: хо! так значит, ты хотел, чтоб
она все это выпила, и чтоб и напилась, чтоб ты мог
ее тряхнуть!

я пошел к дворам магазина, там кто-то,
какая-то другая женщина там стояла,
тогда она, перебежав через улицу,
подскочила к той женщине и вцепилась ей сплеху,
а также добавила той женщине своей сумочкой,
визжа: это мой мужчина, это мой мужчина! ишь, шлепка!
а потом побежала по ступенькам обратно
на улицу и прыгнула в свой фольксваген
и укатила.

я вышел из магазина со шваброй
и начал было выметать с асфальта осколки,
когда услышал злой звук мотора
и увидел оранжевый фольксваген, он мчался
на меня по тротуару —
я еле-еле успел
отпрыгнуть и прижаться к стене,
когда фольксваген промчался.
тогда я снова взял швабру
и снова стал выметать осколки,
и вдруг она снова стояла рядом;
она взяла швабру и разломала ее на три части,

потом нашла на разбитую еще бутылку пива
и запустила ею в стеклянную дверь магазина,
от чего образовалась аккуратная кругленькая дыра,
и другая женщина крикнула от дверей магазина:
Буковски, бога ради, поезжай
с ней!

я забрался в оранжевый фольксваген, и
мы вместе уехали.

...

Эдди и я

знаете

я просидел на одном и том же стуле в баре в Филадельфии
5 лет

я пил густую дрянь из жестянок и самое дрянное вино
и бывал бит в аллеях жирными пофэрюгами
исключительно для развлечения
гуляющих дам и джентльменов в ночи

я не буду рассказывать о собственном детстве
это излишне оскорбительно
даже странно

но я хочу сказать что
в конце концов я решил повидаться с моим другом Эдди
через 30 лет

он все в том же жих доме
и с той же самой женой

вы уже догадались: он выглядел
гораздо хуже чем я

он не мог встать со стула

в руках палка
артрит

оставшиеся волосы
были белыми

боже мой, эдди, сказал я.

я знаю, сказал он, мне не повезло, и
мне трудно дышать.

вышла его жена. стройная
раньше ив, с которой я флиртовал.

210 фунтов. она
подмигнула мне.

боже мой, ив, сказал я.
я знаю, сказала она.

мы вместе напьемся. потом,
через несколько часов эдди сказал мне,
ляг с ней в постель, доставь ей
удовольствие, я не могу ей доставлять удовольствие
больше.

ив хихикала.

я не могу, эдди, сказал я, ты мой
друг.

мы еще выпили.

бесщатное количество
кружек пива.

эдди начало рвать.

ив принесла ему миску
и его рвало
в миску

и он мне говорил между спазмами
что мы были мужчинами
настоящими мужчинами
мы знали что к чему что почему
боже боже

а эти теперешние убоишки
у них этого нет.

мы оттащили его к кровати

раздели его
и он сразу же закрыл глаза
и захрапел.
я попрощался с нв.
я вышел и сел в машину
и сидел в ней и смотрел на их дом.
потом я уехал.
это было все что мне оставалось.

...

3:16 с половиной...

вот он я предположительно один из крупных постов
и мне хочется спать в середине дня
вот он я поставленный в известность о смерти и
представляющий
себе смерть как гигантского гонящегося за мною бика
и мне хочется спать в середине дня
вот он я очевидец воли и зутких рож и воплей боксеров
сексуально-кулинарно-тонко-винно-грамотный
и мне хочется спать в середине дня
вот он я не обремененный женой любовью
и мне хочется спать в середине дня
я вытягиваю шею в солнечный свет раздвигая жалты
занавески
удивляясь куда могли деваться летние мухи
вспоминаю о кровавой смерти Хемингуэя
и мне хочется спать в середине дня.

в один из дней мне не будет хотаться спать в середине дня
в один из дней я начну такую поэму что даже горы
затаишут и сдвинутся с места синяя холмики за окном
но сейчас мне хочется спать в середине дня
и кто-то спрашивает меня: "сколько сейчас времени,
Чарльз Буковский?"
и я отвечаю: "три часа шестнадцать минут дня с половиной"
я чувствую себя виноватым препорочным и бесполезным,
отчасти даже самосудомедленным, мне хочется
спать в середине дня,

падают бомбы, кажется, на церкви, кажется, ну что ж, ну что ж
катятся на пони, кажется, детишки в парке, кажется,

ну что ж, ну что ж,

библиотеки забиты тысячами книг, небитых золотом знания,
замечательная музыка завоплась в горло радио на стене,

и мне хочется спать в середине дня,

внутри меня я сам окаменевшим надгробием

вещам: пусть другие делают такие вещи, пусть играют,

пускай выигрывают,

а мне дай спать,

дай, мудрость заключается в темноте.

я не мятущийся, но выметающий мрак сомнения,

в ней заключенного, как котла,

я отправляюсь туда, куда доносились летние мухи,

прошу попробовать меня тем найти.

.....

Говоря За Них

Август. Слушай,
как цикады
захлебываются звоном,
как корова — кровь и кротость,
трется об узлы колючей
проводами, чтоб согнать слепней,
которые, возвращаясь,
згут ее глаза. Корова
смотрит болью, и большую
голову печально к небу
поднимает, глаза — два озера в земле.
Затем — вязи. Едут строем
вдоль холма, мимо забора.
Мертвый марш. Быть может, стоит
день Помиковаца и Вязов
учредить, старейших вязов,
гордых, твердых? Поднимают
переломанные руки
в корни рваных рукавах.
Мargarитки смотрят в землю,
хоро, ласточки безумно
крутят салты в августовском воздухе.

.....

ПИСЬМО РАБОЧЕЙ ДЕВУШКИ

Дорогая мамочка, я осторожна,
Я сжимаю колени, они дрожат
От напряжения, они дрожат дорожат
Моей честью:.. мой бог, как можно
Их раздвинуть! По воскресеньям, с утра,
Я ем кусочек тела бога. Балье
Стираю после мессы мылом. Твое
Предупреждение было правдой, вчера
Кто-то шел за мной в темноте двора.
Я убежала. Ты была права, здесь полно
Разных грязных красивых типчиков, но
Они не стоят и чернил для пера.
Я встретила молодого человека, он так
Хорошо знает Библию, он готов
Объяснить мне основы пересоснов
Вожествовских, он такой чудак!
Он стучится в дверь. За окном темно.
Я закончу позже это письмо.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН

1. Жена

Причина по которой
мы отказались
от ~~работницы~~ от работницы
была
в том что она была
страшная потаскушка.
Помните меня
правильно
мой Мортимор
очень строгий
мужчина
но сколько же может
даже строгий
мужчина сопротивляться
искусству?
То,
как она на него
смотрела
и прижималась
к нему
по всякому поводу
и без. Проститутка
она была вот это
это^Т безумно дорогой
пшесос
с грудями.

2. Муж

Жена никогда не понимала Дорис.
И имел в виду нашу работницу. Дорис
была просто прелесть.

Интеллигентная, но очень покорная.
Саксуальная, но держала дом в чистоте.
И всегда знала свое место.
Идеальная женщина.
Уверен, что спроектировал ее мужчина.
Ну, ясно, что женщина из плоти и крови
Предпочтительнее машины,
какой бы
она ни была совершенной,
и красивой,
и понимающей,
и отзывчивой.
Бодняжку Анни так надомила
вся эта история.
Полагаю, что отдых
помог бы ей.
Может быть, Гран Каньон? Да, пожалуй...

37. Робот

Представьте только, я выхожу
за Мортимора.
Все же мой, да ведь это
лучший день в моей
жизни и огромный
успех моего народа!
Я — первая в истории
роботица, вступающая в
брак
с человеком
мортиморовых качеств.
Ах, Мортимор. Он так
решительно бросает
вызов обществу и
так мужественно
переносит
эту трагедию,

происшедшую на прошлой
неделе, когда его жена
упала с высоты и разбилась
на смерть там,
в Аризоне.

Человек

И входит в твою дверь человек.

И вызывает у тебя своим видом дрожь.

И говорит тебе: мне нужен телевизор.

И ты говоришь ему: возьми его, телевизор.

И говорит тебе: мне нужна собака.

А вот что касается собаки,

говоришь ты, то увы, ничего не

видит, ничем помочь не могу.

И тогда ты с ним борешься; он — змея,

он быстр, и он стремительно тебя оплетает,

и ногти его глубоко вонзаются в твою спину.

И ты говоришь: о, любовь, о, любовь моя.

И человек срывает с лица чулок

и оказывается женщиной твоей мечты.

НЕ ОТВЕЧАЯ МНЕ ПО ТЕЛЕФОНУ ТАК

не отвечай мне по телефону так,
как будто я один из твоих экс-любовников, ясно?
воздержись от этого удивленного вскрика, —
дающего понять, что у тебя в комнате кто-то есть.

прибереги этот вскрик для типа, который пишет
их, такие г а д к и е стихи и который
прикидывается твоим другом исключительно с целью
запустить свою клошню в твои шорты,
это в с е м понятно, ну ужали это не понятно т е б е?
прибереги этот вскрик для типа, который звонит из
фресно

и с которым ты познакомилась в лас-вегасе
и всего полчаса с ним там поболтала, ...
а я тебе верил, когда ты мне это рассказывала;
я верю всему, что ты рассказываешь мне, вообще.

прибереги этот вскрик для своих мамочки с папочкой,
которые звонят только тогда, когда мы занимаемся
любовью.

прибереги его для своих подружек, которые
вечно выискивают четвертого, чтобы устроить групповичек.
поскольку, как бы то ни было, я звоню или прихожу к тебе
каждый божий день, есть нечто измешнее
и удивительное в том, что ты
приветствуешь меня с удивлением.

и поэтому, пожалуйста, прекрати эту хреновину, дорогая.

ВИДЕРАКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГОРОДКА САНТО-ТОМАСА

XXX

Если ты живешь там, где я,
и хочешь быть богатым
и красивым, сначала разбогатеешь.
Потом мы тебе скажем,
что ты прекрасен.
Да! И успокойся на этом,
поскольку нельзя иметь сразу все.

XXX

Пройди по главной улице в полночь,
когда единственное, что открыто, —
это два бара в одном квартале.
Заверни за угол и пройди мимо
домов добрых граждан городка Санто-Томаса.
Каждый предсказуемо будет занят
одним из трех очевидных дел:
сном, пьянством или же тем,
что, как мы полагаем, у нас бы лучше
несколько получалось с чужой женой
или чьим-то мужем, и быть может, ангел,
огромному белому мотыльку подобный,
развернет над каждым из нас свои крылья.

XXX

Годи назад некий отчаянный
фермер отвоевал эту землю
у пустыни, и каждым летом
пустыня бьется за эту землю опять.

Во время большой жары все живое,
даже пси в пыли, замирает.
По ночам цикады просверливают дыры в зубах.
И воды становится меньше,
а та, что здесь остается,
тепла и горька, но мы приучились
пить даже виски неразведенным.

ВИДЕНИЯ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПОЭТА САНТО-ТОМАСА

XXX

Новые люди приезжают сюда
иногда, но не остаются надолго.
Очень интересно узнать, что влечет их сюда.
Может быть, это — тоска по страданиям; все мы
в себе ее носим, тоску, как некую птичку,
клящую нас, как цыпленок яйцо, изнутри.
Некоторым людям кажется, что
если ты страдаешь вдоволь, то должен
стать лучше, и даже благородней, но я, —
сорок лет я живу здесь, и с каждым днем
делаюсь все подлее и злее.

XXX

Себе мне нечего посоветовать,
кроме долголетия. Черт возьми,
что в нем хорошего, в долголетии?
Покажите мне старика, который бы не
завидовал каждому молодому жеребчику,
и я, задрав ему рубашку, покажу вам
на его теле отпечатки рулетки
гробовщика, который уже снял с него мерку.

Я привык думать, что этот бар
является центром города,
и если просидеть достаточно долго,
можно узнать забавнейшие подробности
частных жизней жителей Санта-Томаса.
Но сегодня днем я отправился
на похороны богатейшего
человека в городке, и там наблюдал
драку двух его вдов за право
идти за его гробом к могиле,
и теперь я понимаю, что все
важнейшие социальные происшествия
по-прежнему имеют место в церквях.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПОСТА ГОРОДКА САНТО-ТОМАСА

По тому, как они теперь одеваются,
напросто становится отличать
проституток от учительниц
начальных классов; возможно,
это означает, что проституция
ныне как профессия менее прибыльна,
чем раньше, учитывая изобилие
полных энтузиазма
непрофессионалок вокруг.

Земля одновременно перемещается
в нескольких направлениях, мы же,
иногда мне кажется, не перемещаемся вместе с ней.
И когда кинотеатр для автомобилей
закрывается на ночь, звезды
остаются висеть над городком Санта-Томасом
как дыры в темноте, сивозь которые
виден
нам холодный, далекий свет.

СКОРЛУПЧКА

И вот становится поздновато,
подходит — хо! — официант, а у тебя как вата
в башке, и он кладет тебе счет на блюдце, —
и ты слышишь, что убожден в баре смеется —
Ты берешь, значит, сдачу, а твои ручонки
как морки, а роза как кошачья роза, глаза котенка
на этой розе, в башке, я повторяю, ота вата,
да, ребята, вот так, ребята —

Это, друг, с тебя картинка, а может,
с меня. Как могу, так могу, любой как может, так
может,

беру и ухожу, и причем быстрее,
чем, значит, молния из дверей, я зверею —

Когда ночь, и улица как ночь, чуть пониже,
ночь как ночь, и я смотрю кто в ней, но не вижу
никого в ней, но вдруг большой, друг, сюрприз,
подкатывает старушка Лиз —

И она открывает для меня дверь в свой кадиллак,
верь не верь, друг, я запрыгиваю, друг, только так,
и я говорю, вперед, да, друг, это надо уметь,
и тут я начинаю ее хотеть —

И такие огромные звезды, друг, такие звезды на не-
бесах,

и кто-то очень издали протягивает мне кусок
яблочного пирога, друг, на очень нагих руках,
и на пирог капнут белой капелькой белый крем,
и я ем —

Медленно. И пока так уверенно
надо мной хохочут, и ночь качается
от возни всех этих, которые не могут, у которых не
получается, я могу, у меня все получается
в моей скорлупочке.

О ТОМ, КАК 22 ИЮНЯ 1934 ГОДА, У ВХОДА В
КИНОТЕАТР "ЭПОГРАФИЯ", БЫЛ ЗАСТРЕЛЕН ДЖОН
ДВИЛЛАДЕР

Чикаго начало от жары в то смутное воскресенье.

Некий репортер поджарил яичницу на мостовой, и не менее
сотни тысяч человек, как белье в прачечной, бултыхались в
озере под спасателя сонным оком.

Почему Джонни чувствовал себя-одиноким?

Не потому, что город уронил на улицы две дюжины ушибленных
жарой почтенных горожан, как перчатки,

Не потому, что их законопослушные души вывалились из своих
оболочек и расклаивались на брусчатке,

Но потому, что солнце тяжело падало на город, как уголья в
печи, как бик в кровавых лабиринтах чикагской бойни.

Куда направлялся Джонни?

Под надпись над кинотеатром "Эпография": "Наш воздух посту-
пает к нам охлажденным",

Мимо семнадцати агентов ФБР и четырех полицейских в штатском,
вспотевших, но крайне вдохновленных законом.

Джонни сел в прохладное кресло, чтобы посмотреть, как будут
казнить Кларка Гейбла на электрическом стуле.

Значит, Джонни просто заманили и обманули?

Да, а пока Кларк Гейбл говорил, что он скорее бы умер, чем
раскался в содеянном, он скорее бы умер.

Две женщины сидели рядом с Джонни. Одна выглядела, как обыч-
ная, но милая вайшка, а другая — как директор ФБР Эдгар Гувер.
Полли Хемптон возбуждала Джонни, но Анна Сэйдс утешала.

Хорошо ли женщинам в постели с Джонни бывало?

Да, обычно — да, но сейчас, сидя в кресле, он нервно погла-
живал своих соседей поочередно, будто стареющий пристава,
Иез там как агент Первис сноваел по залу в темноте, как якобы
директор, проверяющий заполненность зала,

А на самом деле он хотел удостовериться, что Джонни с женщи-

нами тут, фиксировал во мгле Джоннино место.

Часто ли Джонни вел себя нечестно?

Нет, не часто, только если игра была нечестной. Он понимал игру; неизменно

носил с собой кодак. Джонни любил снимать полисменов.

Иногда он любил снимать их пулей: если полисмен был уж очень вооруженным.

Чем же в особенности так озабочен был Джонни?

Тем, что он не мог ни сесть, не встать, ни пойти в кино, ни пройтись над озером и ни поварннуться

Без того, чтобы сразу же, буквально сразу же не столкнуться с одной из тычущих пальцем в его пластической операции подвергнувшейся лицо и вопящих: "Да это Джонни!" ораси.

Был ли Джонни так уж адорново безобразен?

Да, ибо доктор Вильгельм Лезер дал ему новое лицо, на котором бульдозья челюсть

Был под стать похожим на сумку самки кенгуру щекам и крошечным, без век глазам, которые раньше — лишь щелью, Джонни прищуривал, а теперь прищуривал, когда на них попадал дневной свет.

Любил ли Джонни хоть кого-то из женщин, или все-таки нет?

Да, любил; любил красивую, глупую индианочку по фамилии Фреппетт и по имени Библи.

Он хотел жениться на ней, и бросить все, и забыть про всех, и чтобы про него все забыли.

Но Библи сидела в тюрьме за оказание первой медицинской помощи Джонни, за то, что она его укрывала.

Знало ли это Джонни, уязвляло ли, обижало?

Да, и еще как. Он был бы не прочь огрести какой-нибудь башкой или ворваться в кассу какого-нибудь вокзала с чулком на голове, и,

Погривая револьверами, прокричать: "Всем встать лицом к стене! Поживее!",

Или дать какому-нибудь вице-президенту по заднице ногой, а рукой похлопать его по щекам, от ужаса белым.

Что же Джонни вместо этого сделал?

Он вышел вместе с толпой в фойе кинотеатра, он ступал осторожно,

и Полли спросила его: "А ты мог бы поступить так, как Кларк?"
и он ответил: "Возможно".

И Анна сказала: "Если бы Кларк был чуточку поумней, он поступал бы тогда не так, как он поступил, а так, как поступал бы Бинг Кросби".

Был ли Джонни одет со вкусом, но пестро, или же со вкусом, но просто?

Пестровато. Его бакая рубашка, белый жилет и белый галстук сленили,

А его брекы с ножовидными стрелками падали на туфли, на которых был глянец, но чешагской не было пыли,

А его желтенькое канотье, закрывая лоб, надвигалось на глаза, защищаясь от мира очками.

Чувствовал ли Джонни нечто подозрительное в фойе, в последнем шуму и гаме?

Да, и когда агент Перрис дал сигнал, помахав сигарой у носа, Джонни нырнул влево, и выскочил из фойе, и понесся,

А невинная Полли и взвизгнувшая Анна остались стоять в фойе, поражению.

Хорошим ли бегуном был он — Джонни?

Нет, нет, нет, но он выскочил неся мимо знакомого продавца подпольного виски,

По аллею, где гуляли альфонсы, шлюхи, выжженные, а также — сутенеры, артистки

Вез ролей; неся, скрипящими, к концу аллеи, и там упал он.

Часто ли думал Джонни? Много? Или — редко и мало?

Мало и редко, и большей частью — лишь о Вилли Фрешетт,

Которая была в тюрьме, которую он устал ждать, он не мог уже больше ждать, нет, нет, нет,

Да и думать ему было отпущено времени лишь до выстрела, до выстрела лишь, да, до тех пор, лишь до тех пор,

Пока не выстреляли. Выстрелили. Как в него стреляли — в упор?

Да, в упор, но у миссис Этти Натальски в шелковом платье вырвало звонкое пулей кусок плеча,

А Тереза Паулус упала на косточку, поймав к груди простреленную левую ногу, крича,

И обе катились по гравью, и стонали, и истекали кровью в кругу фонарного света.

Нравилось ли Джонни все это?

Нет, но он, рядом с этими чужими женщинами, лежал тихо, лицом к земле, в самом конце аллеи,

Один ботинок слетел с Джонниной ноги, земля во рту его, расщипы его — тяжелого чугуна тяжелее.

Когда ему в затылок выкрикивали вопросы, он выкрикивал нечто страшное в пустоту.

Лгал ли Джонни, лгал ли Джонни на земле, на свету?

Да, лгал, ждал, выжидал, задерживал дыхание, готовил свой последний трюк, из кобуры револьвер вынул было,

Но когда агенты подошли к нему вплотную, дыхания не хватало.

Кларк Гейбл отмерил свою последнюю мишу, а Джонни — лишь полквартила, судьба назло.

Можно ли сказать, что Джонни просто кочерпал свое счастье, и не в том дело, что ему, к тому же, просто не повезло?

Да, и прежде чем остыло его тело, он уже лежал на холодном мраморном столе, глухой, немой и слепой,

В центральном морге города, окруженный возбужденно жестикулировавшей толпой,

Сквозь которую пробивался репортер отдела уголовной хроники крупнейшей из газет, тяжело и часто дыша.

Была ли у Джонни душа?

Да, и она карабкалась вверх по мокрому горлу Джонни, скользила, выбиралась, все еще надеясь на чудо,

Как окруженный полицией бродяга, и она падала, падала, колотилась о ребра и вопила: "Выпустите меня отсюда!"

Может быть, она выбралась наружу, а может, так и осталась в тесной тала Джонни камерке.

Удачным ли было пребывание Джонни в том морге?

Да, потому что толпы, состоявшие преимущественно из женщин, платили по двадцать пять центов за то, чтобы взглянуть на Джонни на столе, и подходили неуверенно, боком,

и одна из женщин сказала: "Я бы не пришла, если бы не считала это зрелище моральным уроком", —

А другая сказала: "Я разочарована. Он на вид и, вероятно, на ощупь — обычный совершенно мертвый человек", и коснулась его ноги.

Были ли у Джонни мозги?

Да, и они всегда помогали Джонни выкручиваться из любой опасности, из наименее приятнейшей мглы.

Когда он прорывался сквозь кордоны, открывал замки, взламывая любые двери, кружил, сбивал со следа и огизал углы,

Но теперь они были изъяты из черепа Джонни и в морге же проданы некоему доктору, с утра находившемуся под газом.

Мог ли Джонни подчиняться каким-либо приказам?

Нет, но полицейские и агенты орали на него, а потом шестеро из них поволокли его в чем-то похожем на бельевую корзину корзину

К черному автомобилю-труповозу и закинули его туда, а толпа шипела ему в мертвую спину.

И так он ехал и ехал, продвигаясь на юг, сквозь передвигающуюся стену дождя.

И бывшие его друзья, гангстеровские ребята, не вытаски тело своего бывшего друга, босса, водителя?

Нет, ни в дороге, ни даже после того, как крутоголовый Джонни папаша отказал посреднику этих славных ребят, предложившему за труп Джонни десять тысяч монет, и заявил, что его Джонни сам будет выбирать, по какой дороге он отправится в ад.

Многие ли прощались с Джонни тепло?

Да, народу много собралось, катекло

К воротам кладбища, пол-Индианы, такая неисчислимая рать,

И священник в своей речи сказал, что при некотором везении Джонни священником мог бы стать,

И из непомерно большого гроба Джонни лукаво помахал пальчиком, и повернулся на бок, и затворил за собой гроба дверь.

Помнит ли хоть-кто-нибудь хоть-о чем-то теперь?

Да, все, кто еще живы, и некоторые из тех, что уже катались на лодке с Хароном.

Был странный праздник, с горячительными и прохладительными напитками, с горячими и холодными слезами, и Джонни был похоронен

Рядом с тремя неизвестными вице-президентами, а также Бенджаминном Харрисоном и Джоном Уиттоном Райли, Которые никогда никого не грабили, и их чистые души помещались в рай, а Джонни было все равно, куда идти, в ад ли, в рай ли.

.....